

Владимир Лапин

ТРЕХСОТЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ И ВОЕННЫЕ ЮБИЛЕИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Формирование национальных (государственных) исторических мифов немислимо без глорификации прошлого, поскольку миф по определению — текст о героях. Одно из проявлений мифотворчества в России имперского периода — практика празднования юбилеев военных побед, отстоящих от дня «памятования» на срок, кратный 100, 50, 25 или десяти годам. Эти комплексы церемоний (высочайшие приемы, парады, крестные ходы, открытия памятников, народные гулянья и т. д.) стали одной из важнейших форм саморепрезентации российской политической элиты, средством укрепления монархии¹.

Военные юбилеи в России занимали особое место среди торжеств такого рода по трем причинам. Первая — общая для всех стран без исключения: победы в «национальных исторических романах» играли важную роль, и потому воспоминания о них с энтузиазмом воспринимались последующими поколениями. Второй причиной — уже специфически отечественной, было огромное влияние военных во всех сферах — в политике, экономике, социальной организации и культуре. Складывалась традиция сохранения и публичной демонстрации корпоративной, семейной и личной причастности к «славным страницам отечественной истории».

Третья причина значимости «викториальных» годовщин — очевидная связь монархии и военного дела. Русская армия после поражения в войне с Японией нуждалась в «исторической амнистии», острая критика вооруженных сил очень часто являлась опосредованной критикой самодержавия. В значительной степени поэтому военные юбилеи начала XX в. так активно

---

¹ См.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 тт. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004.

использовались в качестве «исторического оправдания». «...Завтра представится великолепный случай отдать дань глупого уважения и горячей любви доблестным русским войскам, а тем ничтожным по развитию и отсутствию любви к родине людишкам, которые даже публично и в газетах дерзают клеветать на чудную русскую армию — какой случай устыдиться своей гнусности, видя величественную и трогательную картину чествования русских войск, покрытых вечной исторической славой настоящих спасителей Отечества...», — писал в отчете о праздновании 100-летия Бородинской битвы один из организаторов торжеств в Тифлисе².

К. Н. Цимбаев справедливо назвал нескончаемую череду годовщин начала XX столетия «юбилееманий». По его мнению, в этой кампании «вместо реальных изменений подданным предлагалось отвлечься от мыслей о настоящем положении страны, рисуя картины идеализированного прошлого, лежащего в основе современного общественного устройства, поэтому, казалось бы, не нуждающегося в изменениях <...> В воспоминаниях о былых ратных успехах и великих победах общество искало утешения и новых ориентиров, а государственная власть после революции 1905–1907 гг. — новых способов легитимации»³.

Насколько удобно было эксплуатировать «военную тему» для прославления заслуг Романовых перед Россией в рамках юбилейной кампании начала XX столетия? С «нумерологической» точки зрения особых проблем возникнуть не могло. Разумеется, наиболее солидно выглядели вековые и тому подобные юбилеи, но вряд ли нашлись бы в начале XX столетия противники торжеств в честь 290-летия или 30-летия такого дня, о котором «помнит вся Россия».

Неоспоримый признак государя-победителя — завоевание новых территорий. Всех Романовых, которые занимали российский престол с 1613 по 1913 г., можно условно разделить на две группы — увеличивавших империю и в том не преуспевших. В первой мы видим Михаила Федоровича, Алек-

² Сообщение, сделанное нижним чинам 2-го Кавказского железнодорожного батальона капитаном Микрюковым накануне Бородинских торжеств // ОР РНБ. Ф. 1070. Ростовский. Отд. 3. Т. 1. Л. 150–150 об.

³ Цимбаев К. Н. Феномен юбилееманий в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–99.

сея Михайловича, Петра I, Анну Иоанновну, Елизавету Петровну, Екатерину II, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. Во второй — Федора Алексеевича, царевну Софью, Екатерину I, Петра II, Петра III и Павла I. Нетрудно заметить, что первый ряд состоит почти целиком из «любимых» персонажей российского исторического романа, тогда как второй ряд из лиц, претендующих на роль «антигероя».

Следующий критерий — защита от внешней агрессии. Здесь почетный список короток, но тоже показателен — Петр I и Александр I, отразившие соответственно вторжения Карла XII и Наполеона Бонапарта.

Особого внимания заслуживает то, как влияли на имидж царей уступки земель как «исконно русских», так и незадолго до того завоеванных. Здесь картина на первый взгляд более пестрая, но при добавлении в нее некоторых акцентов тоже показательная. Первый царь новой династии Михаил Федорович Романов отдал главным противникам — Польше и Швеции огромные земли при заключении мирных договоров 1617 и 1619 гг. Однако связывать имя молодого правителя с таким «конфузом» было бы крайне некорректно, принимая во внимание тяжелейшее положение страны в начале XVII столетия. При царевне Софье Россия была вынуждена в 1689 г. подписать Нерчинский мирный договор с Китаем после неудачного исхода борьбы с китайцами за Албазин на Амуре. В 1735 г. Анна Иоанновна в целях формирования антитурецкого союза вернула Персии южное и западное побережье Каспия. Это не было результатом военного поражения, но воспринималось как отказ от деяний Петра Великого. Петр III фактически вернул Фридриху Великому Восточную Пруссию, завоеванную русским оружием в Семилетней войне, подписав сепаратный мирный договор. Екатерина II, не ратифицировавшая этот документ сразу после воцарения, в 1764 г. при заключении с Пруссией союзного договора подтвердила отказ от Кенигсберга и прилегающих к нему земель. Примечательно, что в отечественном «историческом романе» вина за «утрату» завоеванный целиком возлагается на Петра III. Павел I отказался от уже завоеванных территорий в Закавказье, вернув в Россию полки, так успешно начавшие Персидский поход 1796 г. Несмотря на то что ни один русский солдат ни минуты не стоял на Мальте, утрата этого острова, уже указанного на картах как российская земля, была воспринята как унижение досто-

инства державы. Петр I в 1713 г. вернул Азов Турции после неудачного Прутского похода, но это событие всеми возможными способами погружается в «историческую тень». По итогам Крымской войны Россия утратила контроль над устьем Дуная, передав Молдавии, находившейся в вассальной зависимости от Турции, южную часть Бессарабии площадью около 10 тыс. квадратных километров. Хотя эта земля составляла ничтожную часть территории огромной империи, сам факт уступки воспринимался очень болезненно. Эта потеря связывалась с именем Николая I, хотя формально состоялась при его преемнике. Таким образом, список «нелюбимых» персонажей в данном случае пополняется императрицей Анной Иоанновной и Николаем I, «возвращение» Восточной Пруссии приписывается тому же Петру III, а «конфуз» Петра I всячески замалчивается.

Еще один способ соединения образа царя с военной славой России — демонстрация «личного участия» (реального или символического) в боях и походах. Участниками боевых действий по праву могут себя считать Алексей Михайлович, Петр I, Александр I, Николай I и Александр II. Императрица Елизавета Петровна сумела завоевать популярность в военной среде демонстрацией приверженности заветам отца-полковника. То же самое можно сказать и о Екатерине II, для которой имидж воительницы являлся важным средством легитимации. Обратим внимание, что из «нелюбимых» правителей России в этом списке только Николай I, но здесь особую важность приобретает оценка его участия: он привел русскую армию и флот не к победе, а к поражению. Крымская катастрофа совершенно затмила успехи в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и Русско-персидской 1826–1828 гг.

К указанным выше критериям следует добавить «особо славные» победы, ставшие паролями отечественной военной славы, причем не те, которые были в свое время у всех на устах, а те, которые «остались в истории». В этом списке — изгнание поляков из Москвы в 1612 г., Полтавское сражение 1709 г., переход Суворова через Альпы в 1799 г., Бородинская битва 1812 г. и оборона Севастополя в 1854–1855 гг.

Есть основания полагать, что повышенное внимание к изгнанию поляков из Москвы в 1612 г. (т. е. еще до воцарения Михаила Романова!), складывание представления об этом событии как об «окончательной» победе над интервентами

укрепляло легитимность нового правителя. Семнадцатое столетие явило еще немало «славных дел» при Алексее Михайловиче и при Федоре Алексеевиче. Даже Крымские походы при царевне Софье не были откровенно провальным делом. Однако сюжет отечественного исторического романа построен таким образом, что настоящее военное торжество России принес Петр I, царствование которого — вереница побед (более тридцати!) на суше и на море за исключением нескольких «осечек» (Азов — 1695 г., Нарва — 1700 г., Клецк — 1706 г., Головчино — 1708 г., Прут 1711). Главная причина этого — формирование объединяющего государство и общество культа Петра Великого. «Невнимание» к победам царя Алексея Михайловича — следствие этого культа, поскольку одним из проявлений последнего было создание «контрастного фона» для блеска деяний царя-реформатора.

Несколько парадоксально выглядит «полное забвение» побед в русско-турецких столкновениях XVIII в. Война 1735–1739 гг. принесла скромные результаты и всегда находилась «на задворках» отечественной исторической памяти, чего нельзя сказать о войнах 1768–1774 и 1787–1791 гг. В коммеморации этих войн заметно «забывание» первой как средство усиления эффекта от торжества во второй и третьей. Но в период юбилейной кампании начала XX в. не вспомнили ни об одной из них. При «Дщери Петровой» Россия добилась значительных успехов в войне со Швецией 1741–1743 гг., но и об этой войне, оказавшейся какой-то нелюбимой падчерицей у отечественных летописцев ратной славы, в начале столетия решительно не вспомнили. И опять приходится выдвигать предположения за отсутствием свидетельств. В 1809 г. праздновалось столетие победы в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. и включения Финляндии в состав империи Романовых. Это событие переводило всякие мероприятия по поводу «полузабытой» войны в разряд «неудобных» сразу по двум причинам. Прежде всего, они мешали концентрации внимания на главном действе, которым по понятным причинам становилось 100-летие Фридрихсгамнского мира. Во-вторых, память об установлении границы по реке Кюммене рождала сомнения в правильности объяснения того, почему Россия присоединила земли, ранее никогда ей не принадлежавшие. Официальная, она же и единственная версия — государственный рубеж в 1809 г. отодвинули к Ботническому заливу ради безопасности Санкт-Петербурга. Но движение

неприятельских войск к имперской столице через Карельский перешеек уже после 1743 г., и тем более после усиления оборонительной линии по реке Кюммене, последовавшего за Русско-шведской войной 1788–1790 гг., перешло в разряд совершенно невозможного⁴. Во время этой войны, сохранившей статус-кво на Балтике, русский флот одержал ряд блестящих побед, которые опять же не удостоились внимания в конце XIX — начале XX в. И это также следует читать как отказ от того, чтобы помешать торжествам 1809 г. выполнить свою коммеморативную миссию. Из всех победных дат Семилетней войны в России вспомнили о разгроме армии Фридриха Великого при Кунерсдорфе⁵. Однако возникают подозрения, что это — следствие повышенного внимания к военной славе в год Полтавского юбилея.

При Павле I русские войска воевали в Италии, Швейцарии и Голландии, а русские эскадры успешно действовали в Средиземном море. Рубеж XIX–XX вв. был временем очень «удобным» с коммеморативной точки зрения, так как без проблем можно было отмечать столетия побед русского оружия в 1796–1799 гг. Но своеобразным стартом юбилейной кампании в предреволюционной России стала столетняя годовщина смерти А. В. Суворова в 1900 г. При этом есть очень важное отличие в том, как вспоминали суворовские победы в периоды двух царствований. Когда речь идет о событиях екатерининской эпохи, деяния самого известного полководца связываются с именем покровительствовавшей ему императрицы. Когда же говорится о временах ее нелюбимого сына, то очень заметным становится акцент на конфликте царя и самого знаменитого российского военачальника. До 1796 г. слава Суворова представлялась славой России и славой Екатерины II, а вот Павлу I ограничились купание в лучах славы. Можно предположить, что «неудобство» включения этого царя в список Романовых-победителей стало немаловажной причиной того, что не дата знаменитого перехода через Альпы, а именно дата кончины стала днем общегосударственного торжества.

---

⁴ См. *Лапин В. В.* Финляндия в военной системе Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 112–116.

⁵ *Драке Л. Л.* К предстоящему 150-летию битвы при Кунерсдорфе // Русский инвалид. 1909. 20 янв.